

Долгое эхо забастовки

Чем ближе подходит очередная годовщина известной шахтерской забастовки, тем как-то тревожнее становится на душе. Понятно, не от радости... Порой такой тяжелый ком воспоминаний давит на сердце, что кажется, оно не выдержит.

Попробуем сегодня не спеша поразмышлять о тех июльских событиях 1989 года, которые, как говорят, потрясли тогда весь мир...

После двух выходных 11 июля 1989 года я вышел на работу в первую смену. Автобус еще не успел подъехать к шахте имени Димитрова, как у крыльца АБК увидел небывалое столпотворение горняков. Вначале решил, что администрация предприятия проводит общее собрание: слышались громкие голоса возбужденных горняков, которые что-то пытались доказать руководителям предприятия, парткомовским и профсоюзным лидерам.

Однако собрания в основном проходили на стыке первой и второй смен, когда на работу приезжало наибольшее количество горняков. Да и в актовом зале. Но чтобы ранним жарким утром, прямо на улице, на глазах всего теш-логовского поселка, где зеваки глядели прямо из-за заборов своих частных построек, а некоторые залезли и на деревья, чтобы лучше наблюдать, - такого за многие годы работы на шахте не припоминаю...

И тут становится известно, что в понедельник, 10 июля, на междуреченской шахте имени Шевякова около 80 горняков после ночной смены отказались в ламповой сдавать свои светильники. К ним присоединилась и утренняя смена в 200 человек. Объединившись, они избрали прямым голосованием забастовочный комитет, который возглавил член КПСС, горный мастер В.Г. Кокорин.

Через два часа на шахту прибыли второй секретарь Междуреченского горкома партии С.Ф. Щербаков, генеральный директор ПО "Южкузбассуголь" Г.М. Филатьев. Но как ни пытались они овладеть ситуацией на предприятии, им это не удалось. Забастовавшие горняки потребовали приезда на шахту министра угольной промышленности СССР М.И. Щадова.

Утром следующего дня ситуация усугубилась. К бастующим присоединились еще четыре городские шахты: "Распадская", "Томская", "Усинская", имени Ленина. А на многотысячном городском митинге, который состоялся прямо на центральной площади Междуреченска (позже это место назовут площадью Несогласия), был организован уже городской забастовочный комитет.

Теперь к шахтерам приехал Михаил Иванович Щадов.

Но прежде чем перейти к рассказу о дальнейших действиях шахтеров, хотелось бы обратить внимание читателей на то, что это был не первый случай социальной напряженности в трудовых коллективах области.

Возьмем ту же шахту имени Шевякова. Там еще 28 декабря 1988 года горный мастер пятого участка В.Г. Кокорин от имени своего коллектива отправил письмо на Центральное телевидение (программа "Прожектор перестройки"), где рассказал о серьезных упущениях администрации предприятия не только в производственной, но и в

социально-экономической сфере - о нехватке техники, падении заработка, плохом питании (а подогревало напряжение и отсутствие мыла в мойках) и одновременном увеличении управленческого аппарата.

Через пять дней это письмо из Центрального телевидения было переадресовано в ЦК отраслевого профсоюза. Оттуда - в "Главкузбассуголь". И далее вниз в ПО "Южкузбассуголь".

Приехавшая на шахту местная комиссия особо не разбиралась с письмом, горнякам дали ответ отписочного характера. Устранять недостатки никто и не подумал. Социальная напряженность продолжала нарастать.

Возможно, начало массовой забастовки случилось бы и раньше "жаркого июля", если бы в средствах массовой информации не промелькнуло сообщение о приезде в Южный Кузбасс члена Политбюро, председателя Совета Министров СССР Н.И. Рыжкова. Шахтеры надеялись, что второе лицо государства разберется в социально-экономической жизни региона, поддержка на союзном уровне будет оказана не только горнякам, но и рабочим других отраслей народного хозяйства.

Вышло так, как обычно бывало: гость улетел, а все проблемы так и остались нерешенными...

Это еще больше разозлило шевяковцев. И уже 15-16 июня горняки трех участков начали разрабатывать требования к администрации шахты по улучшению условий труда и быта рабочих. Подписалось под ними больше 500 человек.

К 28 июня эти требования из 20 пунктов были отправлены в Центральный профсоюз угольщиков.

К этому хотелось бы добавить то, что администрация шахты не принимала особых мер для предотвращения будущей забастовки. Руководители, видимо, надеялись, что пройдет какое-то время, мужики "повыступают" и, разочаровавшись найти конкретное решение в дебрях тогдашней партийно-бюрократической системы, поостынут. А там поодиночке зачинщиков беспокойства под разными предлогами можно будет "подловить" на работе: кого - за невыполнение сменного задания, кого - за аварию, за опоздание на смену и прочее - и с треском вышвырнуть за территорию шахты.

На седьмой день после отправки в Москву письма (4 июля) состоялось расширенное заседание совета трудового коллектива с участием парткома, шахткома и дирекции предприятия. Надо сказать, что практически с первых минут заседания между рабочими (а их присутствовало около 50 человек) и руководством шахты не получилось диалога. Представителей трудовых коллективов не удовлетворил ответ директора предприятия на первые шесть вопросов, и они ушли с заседания. После этого решения проведенных на участках собраний сводились в основном к одному - стоять до конца.

Предвидя взрывоопасную обстановку, 6 июля начал заседать профком шахты, где обсуждали 8 пунктов требований, которые потом направили министру М.И. Щадову.

Но через два дня обстановка еще более накалилась: в шахтовой столовой произошел неприятный инцидент - горняки заметили, что для приготовления пищи использовалось испорченное мясо.

Это, безусловно, также послужило осложнению обстановки. А тут еще затянулось удовлетворение требований.

Такие выступления трудящихся наблюдались не только на шахте имени Шевякова.

В городе Осинники на шахте имени 60-летия СССР (тоже производственное объединение “Южкузбассуголь”) горняки 8-го участка 1 апреля также прервали работу и отказались подниматься после смены на-гора.

Здесь тоже наряду с социальными вопросами (а это в первую очередь нехватка воды в жилом массиве, неудовлетворительная работа городского транспорта, плохие бытовые условия в рабочих мойках) высказывалось недовольство и в адрес своих начальников участков, которые вовремя не закрывали наряды, что потом отражалось на сроках выплаты премиальных.

Возникали конфликтные ситуации и в отношении несправедливой оплаты разной категории специалистов.

Для сравнения приведем пример с профессиями проходчика и нормировщика. По тяжести труда понятно, кто больше “вкалывает” физически. Но по оплате было наоборот. Среднемесячная зарплата проходчика составляла 469 рублей, а нормировщика - 505 рублей, горного диспетчера - 554 рубля, начальника смены 738 рублей и так далее.

Конечно, все эти вопросы неоднократно поднимались не только перед шахтовым начальством, но и в вышестоящих инстанциях. Оттуда шли заверения, прямо-таки сыпались обещания. Но проходило время, и оказывалось, что все это - просто обман. И протест трудящихся набирал обороты.

На три с половиной часа была прекращена работа в обжимном цехе Запсибметкомбината: потребовали доплаты за вечерние и ночные смены. Эта акция также возникла не спонтанно - были неоднократные обращения в администрацию цеха, профсоюзный комитет. И только остановка работы сдвинула дело с мертвой точки - смогли-таки найти деньги для оплаты металлургам.

Если уж мы начали разговор об акции протеста в Осинниках, то отметим, что и на других южкузбассовских шахтах - имени Ленина (Междуреченск), имени Волкова (Кемерово), “Тайбинская” (Киселевск), в управлении монтажа и демонтажа горно-шахтного оборудования - УМДГШО (Ленинск-Кузнецкий), и на прочих предприятиях тоже на непродолжительное время в начале апреля была прекращена работа. Здесь наряду с социально-экономическими требованиями ставились вопросы и о недоверии не только экономическим службам, но уже и первым руководителям предприятий и профсоюзным комитетам.

Как видим, в июле забастовка произошла не сразу. Еще задолго до этого были “выступления” рабочих не только на шахтах, но и на других предприятиях области.

И в большинстве случаев, думаю, можно было бы избежать массового протеста шахтеров, если бы руководители предприятий совместно с местными властями (тогда они еще имели огромную силу и авторитет у трудящихся) прислушались к просьбам, навели порядок хотя бы в тех же мойках, вовремя доставляли горняков на работу, проверяли качество приготовленной пищи в столовых и, может, не было бы “жаркого” июля 1989 года.

Скажу в качестве отступления, что я не был сторонником забастовки. Выступал против ее проведения. Одним словом, я боялся ее. Являясь единственным кормильцем в семье, я думал о завтрашнем дне, о том, что будет с нами в будущем, чем буду кормить дочь, хватит ли средств на лечение жены...

* * *

По сводкам Кемеровского обкома КПСС, с 10 по 17 июля 1989 года из 500 новокузнецких предприятий в забастовке приняли участие тридцать два. 36,4 тысячи трудящихся только угольной промышленности не приступили к работе. За это время было выдвинуто 27 требований, из которых 18 удовлетворено непосредственно на месте. Экономический ущерб составил 10 миллионов рублей. Не выдано на-гора 300 тысяч тонн угля.

(Окончание следует.)

Автор: Николай Ничик. Валентин Волченков (фото из архива редакции).